

РАННЕХРИСТИАНСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ: КНИГИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Раннехристианская, или, как ее называют в странах, где она сложилась, Италии и Германии, христианская археология, с одной стороны, и византийская археология – с другой, две близко родственные ветви исторической науки, с разной исторической судьбой. Поэтому их удобно рассматривать вместе. Моя цель – дать читателю некоторое представление о современном состоянии этих дисциплин в виде нескольких рецензий на книги, связанные общей темой¹.

Akten des XII internationalen Kongresses für christliche Archäologie. Bonn 22.–28. September 1991. Т. 1–2. Città del Vaticano; Münster (Studi di Antichità Cristiana LI. Jahrbuch für Antike und Christentum Ergänzungsband 20,1). Achendorffsche Verlagsbuchhandlung, 1995. S. 1308. 174. Taf.

Акты XII Международного конгресса по христианской археологии, который состоялся в Бонне в сентябре 1991 г., вышли в середине 1996 г. (в выходных данных обозначен 1995). Эти два объемистых тома отражают работу конгресса и, более широко, состояние и особенности развития христианской археологии за последний период. В 1-м томе опубликованы программа и хроника конгресса, списки его участников и т.п. вспомогательные материалы, выступления на открытии и в заключительной «дискуссии на подиуме», а также 26 пленарных докладов. Часть 1-го тома и весь 2-й содержат публикации «кратких рефератов», которые представили свыше 110 участников из более чем 30 стран. Не удивительно, что преобладают публикации археологов из Германии и Италии, стран-лидеров этой дисциплины, где христианская археология развивается давно и активно. В Германии конгресс состоялся уже не первый раз: VII конгресс прошел в 1965 г. и тоже в Рейнской земле, в Трире, где много интересных памятников позднеантичной эпохи. Можно назвать и такие страны, где эта дисциплина молода: Австралия, Финляндия, Гамбия. Представители СССР (С.А. Беляев и Л.Г. Хрушкова) участвовали в работе конгресса в первый и в последний раз, в тот год он прекратил свое существование. Ранее русские специалисты присутствовали на первых двух конгрессах: в 1894 г. в Сплите и в 1902 г. в Риме².

Главная тема XII конгресса – паломничества. Выбор темы определил одну особенность: впервые в истории проведения конгрессов восточная тематика преобладала над западной. Это естественно, поскольку паломничество в Святую Землю стали сюжетом многих докладов и сообщений. На это обратили внимание многие. О «восточном» характере конгресса упомянули в своих выступлениях два представителя римской школы: В. Саксер («Запад был очень мало представлен...») и Ф. Пергола («Я хотел бы больше слышать о Риме и о Западе...»). На открытии конгресса первый, почетный, доклад «Мотивация паломничества» прочел С. Манго. В этом можно видеть отражение характерного явления последних лет: христианская археология, давно перестав быть «римской школой», как ее называли в прошлом веке, сближается и переплетается с византийской. Со свойственным ему мастерством С. Манго рассмотрел некоторые исторические и лингвистические аспекты. Он отметил, что в греческом языке, ни в древнем и ни в средневековом, не существовало понятия собственно «паломник»; а эквивалент латинского «peregrinus» скорее связан с представлением о «чужестранце», «путешественнике». Так же и в русском не существовало своего слова «паломник», «калика», вероятно, турецко-

¹ Значительная часть этих рецензий была написана для издания «Византинороссика», которое выходило в Петербурге. К сожалению, выпуск его прекратился, несмотря на поистине героические усилия редактора К.К. Аментьева.

² Более подробно о конгрессах: Хрушкова Л.Г. О международных конгрессах по христианской археологии // РА. 1998. № 2. С. 207–213; Она же. XIV Международный конгресс по христианской археологии // ВВ. 2001. Т. 60 (85). С. 238–243.

го происхождения, что тоже означает «странник». В докладе С. Манго прозвучали мысли, немного неожиданные в этой аудитории: в те времена путешествовали в основном состоятельные чиновники или купцы, люди, при этом трудно отличить путешествовавшего по своим делам и попутно поклонявшегося святыням, от настоящего паломника. Вообще образ легко разъезжающего туриста – миф, в лучшем случае верный лишь частично, а в худшем – вообще фальшивый, образ Палестины был в значительной степени фиктивным, скорее Иерусалим того времени можно сравнить с Чикаго времен Аль-Капоне (т. 1, с. 1–9). Потом это своеобразное сравнение с Чикаго подхватит Й. Энгеманн, который сошлется на свидетельство Григория Нисского о том, что в Иерусалиме нет дня без преступления.

Особо отмечу выступление старейшего участника конгресса, выдающегося историка архитектуры Р. Краутхаймера, которому тогда шел 95-й год, но в это было трудно поверить, видя его подвижность и активность³. Он не согласился с тем, что в паломничествах участвовали преимущественно богатые, а не «маленькие люди», важная роль в них принадлежала монахам, массовым, например, было паломничество к крипте св. Петра в Риме. Массовые посещения, по его мнению, – это группы от 50 до 200 человек, а не 30 тысяч в день посетителей Сикстинской капеллы. Он отметил также трудности разграничения понятий Wallfahrt и Pilgerreise, которые связаны с длительностью путешествий.

Охарактеризую кратко некоторые пленарные доклады. В.К. Корбо (тоже ушедший от нас), известный своими многолетними раскопками церкви Гроба Господня, в докладе «Источники Нового Завета о паломничестве в святые места Палестины» рассматривает различные источники: текст Евангелия, устную традицию Иерусалимской церкви, свидетельства паломников и собственно археологические данные. Археологическая часть доклада построена в форме итинерария и дает хорошее представление о достижениях археологии в изучении мест земной жизни Христа за последние 50 лет. В докладе показана роль францисканского ордена (к нему принадлежал и сам. В. Корбо) в археологическом исследовании Палестины. В докладе Л. Кецше (Kötzsche) «Святой Гроб в Иерусалиме и его последователи» предпринята еще одна попытка уточнить первоначальный облик часовни над Гробом Христа на основании письменных источников и изображений ампул Монцы и Боббио, мраморной модели из Нарбонны и т.п. Что касается многочисленных поздних реплик церкви Св. Гроба, речь идет преимущественно о западных примерах, из Германии и Италии. Доклад П. Маравалья «Маршруты паломников на Восток (между IV и VII вв.)» посвящен разным вариантам маршрутов в Палестину, Сирию, Малую Азию и на Синай. Он отметил, что западные паломники из соображений религиозных и географических обычно заканчивали свой маршрут в Константинополе.

Другие пленарные доклады построены на материалах Сирии и Малой Азии: М. Фаллы Кастельфранки «Баптистерии и паломничества», Г.-Г. Северина «Характер паломничеств и постоянные дворы», П. Кастеллана «Места пребывания святых», П. Донсель-Вут «Роль реликвариев в паломничествах», Х. Хелленкемпера «Раннехристианские места паломничеств в Малой Азии», Ж.-П. Содини «Калат-Семан: некоторые новые данные». Доклад Д. Бакирциса «Культе св. Димитрия» касается в основном Фессалоник, центра этого культа, а также спорного вопроса о дате базилики, посвященной святому, о его иконографических типах. В докладе Д. Мадзолени «Надписи мест паломничества» представлены материалы из Рима, и Византии. Вообще организаторы конгресса стремились равномерно представить и западную тему, и Восток.

Среди «западных» отмечу доклад Г. Боргера «Раннее христианство в Рейнской земле», в котором приводятся сведения о новых раскопках в Кёльне и других местах. Несколько обобщающих докладов связаны с Римом: В. Саксера «Характер паломничества в Италии и Риме в поздней античности и раннем средневековье», Г. Кантино-Ватагини и

³ Р. Краутхаймер скончался три года спустя, 1 ноября 1994 г. за своим письменным столом в Герцанской библиотеке, в Риме, не дожив до своего 100-летнего юбилея. В сентябре 2000 г. Понтификальный институт христианской археологии организовал Международный конгресс по изучению римских церквей, «Ecclesiae Urbis», который фактически был посвящен памяти Р. Краутхаймера.

Л. Пани-Эрмини «Святынища мучеников и центры паломничества в Италии между поздней античностью и ранним средневековьем». В первом из них систематизируются письменные и археологические свидетельства (Рим, Нола-Чимитиле, гора Гаргано); во втором дается обширная панорама, он снабжен хорошими иллюстрациями и большой библиографией, свидетельствующей о длительной традиции исследования этой проблематики в Италии.

Доклад Б. Бренка о местах культа и их посетителях носит общий характер, он основан на широком материале, от Рима и Милана до Вифлеема и Иерусалима. Автор обсуждает вопрос архитектурных типов и делает интересный вывод о формировании в эпоху Юстиниана новой «паломнической архитектуры». Эта статья отличается прекрасным подбором иллюстраций. Среди них, например, обмерный план константиновской церкви Рождества в Вифлееме, который дает некоторым авторам повод усомниться в общепринятой реконструкции этого сооружения как сочетания базилики и октогона и реконструировать его как обычную базилику с пятигранной апсидой. Некоторые доклады выходят за пределы христианской темы: Г. Халлфмана «Путешествия в императорское время и путешествия к языческим местам культа» и И. Шахида «Исламское паломничество».

Отмечу общую черту всех докладов: одинаковое внимание и к письменным источникам, и археологическим данным. Этот многосторонний подход – традиционная черта и, можно сказать, краеугольный камень христианской археологии. Последовательный исторический подход – другая важная особенность, которую хорошо выразил Б. Бренк: «Паломничество – это историческая категория», изучая это явление, нужно раскрыть «связь между архитектурой, культом, стилем благочестия, институциями, повседневной культурой, заказчиками и верующими... Как категория мышления, паломничество в христианской археологии и истории искусства ново... Представление о паломничестве требует от истории христианского искусства нового, всецело ясного взгляда». Традиционные принципы христианской археологии как «плюридисциплинарной» отрасли исторической науки, подчеркнул В. Саксер (тогда – ректор Понтификального института христианской археологии): «Необходимо изучать архитектурные памятники, их убранство, иконографию и эпиграфику, план и топографию, сведения о молитве, образе жизни и смерти христиан, все остатки и все формы раннехристианской жизни».

Опубликованные тексты выступлений отражают оживленный характер полемики. Н. Дюваль, который, по обычаю, «передавал факел» предыдущего конгресса в качестве его генерального секретаря, высказал свои мнения о способе подготовки конгрессов и о самом названии дисциплины. Он подчеркнул, что начиная с первого конгресса сообщество христианских археологов остается без постоянных международных структур, они заменены, по инициативе св. Престола, «Инициативным комитетом» (Comitato promotore), состоящим из профессоров Понтификального института христианской археологии и директоров ведущих иностранных институтов в Риме. «Но наше сообщество гораздо более широкое и рассеянное, чем это римское ядро...». Он предложил создать международную организацию, которая не идентифицировалась бы только с Римом, тем более что благодаря политическим переменам в странах Восточной Европы, «коллеги с Востока вновь займут свое место в научном сообществе». Любопытно, что, упоминая о социалистических странах, Дюваль даже сказал, что «исследованиям открываются страны, не принадлежащие к христианской традиции», правда, тут же поправился: «...по крайней мере, к ее западной ветви». В этом Дюваль был прав – на последующих конгрессах, в Сплите в 1994 г. и в Вене в 1999 г. участников «с Востока» становилось все больше, а Инициативный комитет в последнее время действительно расширен. Другая идея Дюваля, которую он постоянно высказывает по разным поводам, заключается в том, что название «христианская археология» следует заменить термином «археология поздней античности», как более современным. Эта идея не нова, ее когда-то высказывал А.-И. Марру, один из «пролагателей путей» (Н. Дюваль) французской школы. Если такое предложение где-нибудь и могло бы иметь успех, то только не на конгрессе по христианской археологии. Такая старая и развитая научная традиция вряд ли пожелала бы отменить самое себя, и, кроме того, современная христианская археология как раз стремится расширить свои хронологические пределы в сторону средневековья и замк-

нуться только в рамках «поздней античности» означало бы сузить свои задачи. Следуя своей идее, Н. Дюваль начал издавать в Париже международный журнал «Поздняя античность» («Antiquité tardive»), который выходит регулярно, в виде тематических сборников.

Активные дискуссии продолжились в последний день конгресса. Ф. Пергола изложил «точку зрения нового поколения», подчеркнув полемический характер своего выступления: «Конфликт школ? Конфликт поколений? Поворотный пункт или замечание мимоходом? Всего понемногу». Отвечая Дювалю, он сказал, что смена названий, «война терминов» – это пройденный этап, фальшивые дебаты, чтобы помешать настоящим. Наоборот, широкие масштабы полевых исследований ведут к расширению хронологических рамок. Свою главную мысль Пергола выразил очень решительно: необходимо уделять значительно большее внимание археологии *stricto sensu*, т.е. «данным стратиграфии, изучению памятников, жилища, кладки, организации пространства, важным данным, которые нам открывают антропологи или специалисты по фауне и флоре... Стратиграфия и материальная культура или, скорее, объективные уроки, которые мы извлекаем из них для истории, были практически исключены из этого конгресса». Он упомянул даже о своем «голоде по археологии коякретного, археологии повседневности... Слишком часто у меня здесь было впечатление, что археология – это аксессуар, дополнение, приложение... Если историк источников, филолог, историк искусства и архитектуры, эпиграфист мог найти большое удовлетворение на этом конгрессе, то археолог конкретного и топограф, историк христианского общества поздней античности и ранне-средневековья... испытывают чувство фрустрации», надо «перевести наши конгрессы на археологические рельсы»⁴. Это темпераментное выступление примечательно – новое поколение археологов настаивало на том, чтобы христианская археология была более «археологичной», чтобы она стала разделом полевой археологии, изучающей повседневную жизнь людей, а не только церковные памятники. Действительно, здесь выражена характерная тенденция современной христианской археологии: она становится все менее сакральной дисциплиной.

Тем не менее, на конгрессе немало было сообщений именно о новых и новейших раскопках, от Испании до Израиля. Перечислю некоторые темы опубликованных сообщений, чтобы дать возможность судить о географии и широте тематики: Р. Сориано Санчес – о культовом сооружении, связанном с тюрьмой св. Винцента в Валенсии, В. Фьокки Николаи – о новой базилике с деамбулаторием на Виа Аппиа (это, теперь уже широко известное открытие, было сделано накануне конгресса), М. Чекелли – об открытии остатков базилики св. Марка, А. Бонанни – о базилике св. Сусанны, Р. Краутхаймер – о раскопках церкви св. Лаврентия «ин Дамасо» в Риме, Н. Пармеджани и А. Пронти – об исследовании церкви св. Чечилии за Тибром, все это – в Риме. Статья Э. Марина (Хорватия) содержит новые данные о раскопках в Марусиянке (Салона), И. Богдан-Катаничу (Румыния) – о «мраморной» базилике в Малой Скифии, К. Димитрова – о памятниках в Нове в Нижнем Подунавье, И. Джамбова – о культовом сооружении и некрополе в окрестностях Пловдива, П. Гроссмана – об изучении крупного комплекса св. Мины в Египте, Г. Дескедреса – о монастырском комплексе Келлии в Нижнем Египте, Р. Фариоли Кампанати – об исследовании известного тетраконха Сергия, Ваха и Леонтия в Босре, К.Г. Хоулама – о вновь открытой церкви Мучеников в Кесарии Палестинской, П. Фигуэраса – о свидетельствах паломничества на Синай, открытых в византийском Негеве, Т. Вебера – о раскопках Гадара (Умм-Кейс) в Иордании. Таким образом, в Актах конгресса читатель найдет немало сведений о последних полевых исследованиях, но поскольку число их огромно, это «ящик Пандоры» (У. Френд), все они вряд ли могли быть отражены в рамках конгресса. Возможно, имело бы смысл выделить в Актах раздел «Новости» (*Novitates*), по примеру Актов предыдущего, XI конгресса. Можно отметить одну деталь, которая иллюстрирует высказывания Ф. Пергола: среди иллюстраций в Актах опубликовано всего лишь три стратигра-

⁴ Замечу, что выступление проф. Ф. Пергола, сейчас уже ректора Понтификального института христианской археологии, спустя несколько лет, на открытии конгресса в Вене в сентябре 1999 г., было уже вполне академичным.

фических разреза. Для археологического издания объемом свыше 1300 страниц, это, пожалуй, маловато. С другой же стороны, христианская археология все-таки никогда не была только «полевой», ее прочная связь с письменными источниками – это ее постоянный принцип и ее сильная сторона.

Не все сообщения на конгрессе были прямо связаны с паломничествами. Впрочем, в широком смысле, разве всякий значительный культовый центр, обладавший мощами чтимых святых и мучеников, не был центром паломничества, хотя бы для жителей ближайшей округи?

Особая черта XII конгресса: большее, чем раньше, число участников из стран Восточной Европы, среди которых ранее Албания и Советский Союз были самыми закрытыми. В Актах опубликовано около двух десятков сообщений из стран Восточной Европы, в том числе два – из России⁵. Акты XII конгресса представляют собой «ментальный снимок» состояния христианской археологии, они дают обширные сведения о важных направлениях исследований, о различных национальных школах, о новых тенденциях и дискуссиях, о недавних раскопках и новых именах. По традиции последнего времени Акты обычно выходят в двух или трех томах с большим количеством иллюстраций.

Следующий конгресс, XIV, состоявшийся в Сплите в 1994 г., был юбилейным. Он посвящался 100-летию со дня смерти «отца-основателя» христианской археологии Джованни Баттиста де Росси и одновременно 100-летию проведения первого конгресса, который тоже состоялся в Сплите. Поэтому он и проводился только через три года после предыдущего. Перед конгрессом прошли конференции, были организованы выставки, изданы книги, посвященные де Росси. Научное наследие римского ученого обширно, однако особенно важен его вклад в изучение катакомб. Этот аспект был подчеркнут выставкой документов и фотографий, организованной в одном из сооружений комплекса катакомб св. Калликста, западной трихоре, куда прах де Росси был торжественно перенесен из фамильного склепа в декабре 1994 г. Издан каталог этой выставки: *Gioavanni Battista de Rossi e le catacombe romane. Mostra fotografica e documentaria in occasione del I Centenario della morte di Giovanni Battista de Rossi (1894–1994)*. Città del Vaticano 1994. Каталог документов, который составила Р. Джулиани, предпосланы статьи В. Фьокки Николаи и Ф. Бисконти они дают представленное о де Росси как об исследователе катакомб: *V. Fiocchi Nicolai. Giovanni Battista de Rossi e le catacombe romane. F. Bisconti. La tutela e la valorizzazione delle catacombe nell'attività di Giovanni Battista de Rossi*. Несколько позже вышла большая переписка де Росси с его учеником и другом Л. Дюшеном, которую издал П. Сен-Рок⁶. В том же ряду книг, связанных с юбилеем ученого – книга Антонио Баруффа, которая отражает современный взгляд на личность и деятельность де Росси.

B a r u f f a A. C. Giovanni Battista de Rossi. L'archeologo esploratore delle catacombe. Città del Vaticano: Libreria Editrice Vaticana, 1994. 223 p., 18 табл.

А. Баруффа не ставил себе цели дать всесторонний анализ научной деятельности де Росси, в свое время это сделал О. Марукки, и нового издания в этом роде пока нет⁷. Еще одна старая книга о де Росси – биографический очерк П.М. Баумгартена является явным панегириком, поэтому в наше время по своему тону и стилю она кажется архаичной⁸, а книга А. Баруффы действительно была нужна. Правда, в ней тоже можно заметить чер-

⁵ *Kakovkine A. De certains monuments coptes de l'Ermitage (Saint-Pétersbourg) // Akten. T. 2. 1996. P. 889–891; Khrouchkova L.G. Une église octogonale à Sebastopolis en Abkhazie // Akten. T. 2. P. 914–921.*

⁶ *Correspondance de Giovanni Battista de Rossi et de Louis Duchesne (1873–1894). Établie et annotée par Patrick Saint-Roch. École française de Rome, Palais Farnèse, 1995 (Collection de l'École française de Rome, 205).*

⁷ *Marucchi O. Giovanni Battista de Rossi. Cenni biografici. Roma, 1901.*

⁸ *Baumgarten P.M. Giovanni Battista de Rossi fondatore della scienza di archeologia sacra. Cenni biografici. Roma, 1892.*

ты некоторой агнографичности, например, при описании встречи де Росси с его учителем о. Джузеппе Марки, хранителем священных кладбищ, которая названа «провиденциальной». Это выражение видим и на мемориальной доске в церкви Санта Мария Праседе, которую позже установила «Коллегия любителей мучеников». В этой церкви Марки увидел двадцатилетнего де Росси, который копировал надписи, с этого и началась его карьера археолога. Благочестивой легендой веет и от тех страниц книги, где рассказывается, как его отец, почтенный дипломат, запрещал сыну спускаться в катакомбы, в эти «разбойничьи притоны». Почтительный сын, помня обещание, данное отцу, сделал это не прежде, чем окончил факультет права в университете La Sapienza. И еще одно «провиденциальное» событие: решение папы Пия IX в 1849 г. купить, по просьбе де Росси, тот «благословенный участок земли» между виа Аппиа и виа Ардеатина, где молодой археолог нашел на винограднике обломок мраморной плиты с эпитафией папы Корнелия. Так началась долгая и насыщенная событиями история изучения катакомб св. Калликста, где находится крипта пап и другие важные археологические и эпиграфические свидетельства по истории ранней церкви Рима.

Широко используя переписку, воспоминания друзей и учеников, архивные материалы, Баруффа создает образ де Росси как человека благочестивого, доброго, терпимого, всегда готового прийти на помощь. Научный метод де Росси в книге обозначен как топографический и сравнительный, предполагающий систематическое сопоставление письменных и археологических источников. Таким метод христианской археологии в общих чертах остается и сейчас. Фундаментальное исследование де Росси «Подземный Рим», три тома которого вышли с 1864 по 1877 г., Баруффа характеризует в главе под названием «Памятник, который переживает века».

Внешне благополучная карьера де Росси, которому покровительствовали папы Пий IX и Лев XII, не была такой гладкой, как кажется. Речь идет о тех противоречиях, возникших между исследователями критического направления, к которому принадлежал де Росси (он сам и определял свой метод как критический), и официальной церковной наукой. Об этом Баруффа упоминает, приводя выдержку из письма аббата П. Геранже, друга де Росси: «...Бартолини – его враг. Зависть и интриги кипят вокруг него. Они усилились недавно... после его назначения секретарем Комиссии по священной археологии. Он восторжествует надо всем». Под патронатом Д. Бартолини, впоследствии кардинала, в Неаполе выходил журнал «Наука и вера», где Бартолини опубликовал две статьи против де Росси, обвиняя его в ереси, в связи с некоторыми агнографическими изысканиями ученого. Как дипломатично замечает Баруффа, церковные деятели иногда использовали методы «мало корректные и мало евангельские». Дело было не только в интригах отдельных лиц, а вся обстановка была сложной. Обвинения в ереси были серьезными, они грозили включением книг вольнодумного автора в знаменитый *Index librorum prohibitorum*. Из письма де Росси Л. Дюшену от 17 февраля 1883 г. узнаем, что даже для его труда «Подземный Рим» существовала такая угроза.

Глава «Бремя великого престижа» посвящена служебной деятельности де Росси. Он был префектом музея Pio Cristiano в Ватикане, секретарем Понтификальной комиссии по священной археологии, председателем Понтификальной римской академии археологии, вокруг него сложилось Общество любителей христианской археологии, членом которой был и Н.П. Кондаков. О Марукки описывает стиль работы этого общества как открытый, либеральный, где велась дискуссия без «ограничений во времени и пространстве», с «максимальной свободой слова». В те времена это было редкостью. Общая характеристика научных трудов де Росси, числом свыше 500, содержится в главе 27. Это труды о катакомбах, надписях, мозаиках, латинских рукописях и др. К тому же свой «Бюллетень по христианской археологии» он не столько издавал, сколько сам и писал.

В особой главе приводятся сведения об учениках де Росси, среди них крупные ученые: Дж. Гатти, О. Марукки, Дж. Вильперг, Э. Стевенсон и др. О последнем Баруффа пишет, что он был настоящим «христианским археологом», замечая, что это «не просто специализация в области археологии, но скорее чувство и система жизни». Эти слова несомненно можно отнести и к самому де Росси. Книга завершается описанием церемонии переноса праха ученого на территорию катакомбы св. Калликста в день столетия его

смерти. В приложении к книге опубликована достаточно детальная хронология основных событий жизни де Росси, при этом биография ученого представлена в контексте событий научной жизни эпохи. В книге много фотографий коллег и учеников де Росси. Она интересна тем, что характеризует не только личность ученого, но атмосферу эпохи и этапы истории христианской археологии.

Современные авторы подчеркивают роль де Росси прежде всего в изучении катакомб. Это самая первая и до наших дней любимая тема христианской археологии, но сейчас меняются методы. Оставлена апологетика, катакомбы рассматриваются как исторический источник по истории раннего христианства. И чтобы сделать этот источник полноценным и доступным, исследователи стремятся создать комплекс исчерпывающей и точной документации. Этой цели отвечает дорогостоящий и амбициозный проект, который начиная с 1987 г. осуществляется Понтификальным институтом христианской археологии совместно с Понтификальной комиссией по священной археологии и несколькими немецкими научными центрами: Майнцской Академией наук и литературы, Римским отделением Немецкого археологического института и Римским институтом Геррес-Гезельшафт. Имеется в виду издать серию монографий, каждая из них будет посвящена отдельной катакомбе, украшенной росписями. Единая схема предполагает представить историческую и топографическую эволюцию памятника, историю его изучения, исчерпывающую библиографию, учитывающую и бесчисленные популярные издания, сводку всех точек зрения о датировках (почти всегда дискуссионных), дать различные справочные сведения, полную обмерно-графическую документацию архитектуры и живописи, черно-белые и цветные фотографии. Оформление этих монографий можно, пожалуй, назвать роскошным. Пока в этой серии издано три памятника: росписи катакомбы свв. Петра и Маркеллина⁹, анонимной катакомбы под Виа Анапо¹⁰ и «Коммодиллы».

Deckers Johannes Georg, Mietke Gabriele, Weiland Albrecht. Die Katakomben «Commodilla». Repertorium der Malereien mit einem Beitrag zu Geschichte und Topographie von Carlo Carletti. Città del Vaticano, 1994 (Roma Sotterranea Cristiana, X). 3 T. VIII + 128 p. Ч/б табл. 14. Цв. табл. 34. Рис. 23.

Катакомба, за которой утвердилось название «Коммодиллы», по имени владелицы участка, на котором сложилось это подземное кладбище, находится на южной окраине современного Рима, близ Остийской дороги. Посвященный ей том является десятым в серии Roma Sotterranea. Это название следует классической традиции капитальных изданий «Подземный Рим», начиная с труда аббата А. Бозио (1634), после которого последовало несколько монографий XVIII в., затем – трехтомный труд де Росси¹¹. Первым томом серии «Подземный Рим» была книга Б. Багатти, посвященная как раз «Коммодил-

⁹ Deckers J.G., Seeliger H.R., Mietke G. Die Katakomben «Santi Marcellino e Pietro»: Repertorium der Malereien. Einleitende Beiträge von J.G. Deckers, U.M. Fasola, J. Guyon, W.N. Schumacher, H.R. Seeliger (Roma Sotterranea Cristiana, VI). Città del Vaticano, 1987.

¹⁰ Deckers J.G., Mietke G., Weiland A. Die Katakomben Anonima di Via Anapo: Repertorium der Malereien, mit einem Beitrag zu Geschichte und Topographie von V. Fiocchi Nicolai (Roma Sotterranea Cristiana, IX). Città del Vaticano, 1991.

¹¹ De Rossi G.B. Roma Sotterranea. T. 1–3. Roma, 1864–1877. Современный русский читатель может познакомиться с трудом де Росси благодаря недавно перепечатанному (частично) своду еп. Порфирия Успенского, 1894–1902: *En. Порфирий (Успенский)*. Святыни земли Итальянской (из путевых заметок 1854 года), М., 1996. Епископ Порфирий, по его собственному признанию, катакомбы не любил и осмотрел только три из них. Готовя свой труд к публикации, он пользовался трудом де Росси, в том числе и перепечатав многие иллюстрации. Во многом сочинение де Росси сохраняет свою важность и сейчас, уже приобретает ценность источника. Отмечу один анахронизм в иллюстрациях: на вклейке между с. 96 и 97 представлена фреска из кубикеры Льва, открытая 100 лет спустя после путешествия еп. Порфирия.

ле», она и сейчас остается основной публикацией¹². Таким образом, вполне сохраняя преемственность со всей предшествующей традицией, эта книга представляет собой издание нового типа. Она состоит из трех томов: текста, авторами которого являются И.Г. Декерс, Г. Митке и А. Вайланд, фототаблиц и чертежей. обстоятельная статья об истории и топографии катакомбы принадлежит К. Карлетти. История исследования «Коммодиллы» хорошо отражает общий путь изучения катакомб: ее открыл А. Бозио в 1595 г., он снял первый план, в 1720 г. М. Больдетти скопировал некоторые фрески, а научные раскопки уже в начале XX в. были проведены Комиссией по священной археологии. Наконец, в 1951 г. о. А. Ферруа обнаружил «район кубикеры Льва» с хорошо сохранившейся росписью, он же спустя 2 года открыл и знаменитую катакомбу под Виа Латина. К. Карлетти рассматривает письменные источники, из них важнейшие «Мартиролог Иеронима» и «Книга пап», а также эпиграфические данные, в том числе известную надпись папы Дамаса в честь свв. Феликса и Адавкта. История самой катакомбы довольно сложна. Еще Бозио знал, что она связана с именами солдат-мучеников Феликса и Адавкта, но все еще до конца не ясно, когда они пострадали – при императоре Валериане или во время гонений Диоклетиана. Гипотеза Ферруа хорошо примиряет все известные факты: с III в. существовал частный культ этих святых на участке Коммодиллы, а с середины IV в. место превратилось в коллективное кладбище.

К первоначальному ядру комплекса относится галерея В, куда были положены останки мучеников Феликса, Адавкта и Мериты. Периферический район О использовался в конце IV – первой половине V в. Катакомба относится к числу рядовых, бедных, здесь много могил без надписей. Уникальной для Рима является огромная коллективная могила на глубине 6–7 м. Паломники оставили в катакомбе многочисленные граффити, среди которых интересны англо-саксонские. Отсюда происходит и часто публикуемое граффити, изображающее фоссора с орудиями своего труда и усопшего в саване. История катакомбы заканчивается к середине IX в., когда папа Лев IV подарил мощи свв. Феликса и Адавкта императрице Эрменгарде.

Вторая глава является основной частью книги, ее название – «Документация» – характеризует намерения авторов. Она начинается с подробных объяснений, как пользоваться этим сложным изданием: система нумерации помещений в этой книге связана с известным «Топографическим каталогом живописи римских катакомб», изданным А. Нестори¹³. Здесь же дается хронология живописи от эпохи папы Дамаса (366–384) до Константина IV (668–685). Описание живописи, помещение за помещением, подчиняется единой схеме, неукоснительно соблюдаемой: местоположение композиции, история опубликования и изучения (иногда длительная), сюжетные и орнаментальные изображения, состояние, техника, цвет, надписи и их датировки (иногда различные у разных авторов), хронология живописи, все упоминается в литературе, отдельная библиография для публикаций рисунков и планов. В некоторых случаях описание дается по слоям живописи – их число достигает четырех.

Особенно детально описаны сюжетные композиции. Среди них «передача ключа» (Traditio Clavium) в «базиличке»: Христос в юном тине, восседающий на сфере, с одной стороны – апостол Петр, которому Христос передает ключ, и св. Адавкт, с другой – апостол Павел и св. Феликс. Здесь же изображен св. Стефан. Эта живопись выполнена во второй половине VII в., т.е. уже в византийский период. О характере и объеме проделанной авторами работе говорят хотя бы такая подробность: в списке публикаций, где даны датировки композиции, около 50 наименований, а тех, где опубликовано изображение, – около 20. Очевидно, авторы должны были проделать большую и скрупулезную справочную работу. Действительно, это не исследование, а именно документация. Еще одна известная композиция, того же позднего времени: «Богородица Туртуры», где по сторонам Богородицы с младенцем на троне изображены свв. Феликс и Адавкт, а перед последним – стоящая матрона по имени Туртура.

¹² Bagatti B. Il cimitero di Commodilla o dei SS. Martiri Felice e Adauto presso la via Ostiense. Città del Vaticano, 1936.

¹³ Nestori A. Repertorio topografico delle pitture delle catacombe romane. Città del Vaticano, 1975 (Roma Sotterranea Cristiana, V) (2 ed. Ci Hà del Vaticano, 1993).

Богато расписанная кубикула чиновника Льва, который купил себе участок на этом кладбище, хотя и связана с катакомбой «Коммодиллы», однако относится к самостоятельному району. Живопись (375–380 гг.) хорошо сохранилась, поскольку кубикула, по счастью, осталась не известной искателям мощей. Здесь расписаны все поверхности: потолок, стены, аркосолии, ниши в боковых стенках. Хорошо известное изображение Христа в «историческом типе», с бородой и длинными волосами, представлено на своде. Некоторые сцены относятся к числу самых распространенных в катакомбах, например, Даниил во рву львином, есть и редкие, как Христос в образе Агнца и семь корзин с хлебами (Мк. 8, 1–9).

Текстовой том завершается приложениями. Это три Конкорданса, которые помогают читателю пользоваться этим изданием, они связывают это издание с другими, а также с коллекциями фотографий и акварелей живописи «Коммодиллы», которые хранятся в архивах. Указатели иконографических сюжетов классифицируют живопись на 7 групп: ветхозаветные, новозаветные, языческие и т.д. Обширный список литературы содержит публикации не только об этой катакомбе, но и общие труды по раннехристианскому искусству.

Том таблиц содержит 14 черно-белых таблиц и 34 цветных, большинство фотографий выполнено специально для этого издания. Что касается цветопередачи, наверное, она никогда не бывает безукоризненной – здесь все же кажется более светлым, чем в действительности (а впрочем, что такое «действительность», которая зависит от искусственного освещения?). Особый том включает комплект чертежей, которые отличаются высоким качеством графики, полнотой, они снабжены подробными легендами и удобной системой обозначений. Многие обмеры выполнены заново, методом фотограмметрии. Чертежи дают ясное представление об архитектурном контексте живописи. Это особенно важно, поскольку в обычных искусствоведческих изданиях изображения часто публикуются крупным планом, что создает ошибочное представление об их «монументальности», реально не существующей.

Эта книга дает представление о всей задуманной серии. Правда, пока это издание приостановлено, его полное осуществление, по-видимому, дело далекого будущего. К числу книг о катакомбах, которые можно назвать исследованиями последнего поколения, относится монография П. Сен-Рока.

S a i n t-R o c k P a t r i c k. Le cimetière de Basileus ou coemeterium sanctorum Marci et Marcelliani Damasque. Città del Vaticano, 1999 (Roma Sotterranea Cristiana, XI). 144 p. 67 рис. в тексте. Цвет. карта-вклейка.

Читатель, который интересуется литературой о римских катакомбах, знает, что монс. проф. Патрик Сен-Рок давно занимался изучением кладбища Базилевска в южных предместьях Рима. Опубликовано резюме его диссертации, защищенной в 1978 г.¹⁴

Историю книги автор сам объясняет во введении. Он ждал, когда новые раскопки подтвердят некоторые его гипотезы, и это действительно произошло. В Риме, который кажется так хорошо изученным, и в наши дни случаются крупные открытия. Я имею в виду открытие в 1991 г. большой «цирковидной» базилики, расположенной в комплексе катакомб св. Калликста. Ее раскопки, которые ведет проф. В. Фьокки-Николаи, по-новому освещают топографию всего этого района и непосредственно связаны с темой книги П. Сен-Рока. Речь идет о территории между старой Аппиевой и Ардеатинской дорогами, хорошо известной археологам и знаменитой большим количеством раннехристианских памятников. Исследуемая катакомба, которую связывают с именами пап Марка и Дамаса и «греческих мучеников» Марка и Маркеллиана, составляет северную периферию кладбищенской зоны св. Калликста, как и расположенная поблизости недавно открытая базилика.

¹⁴ *Saint-Roch P. La region centrale du cimetière connu sous le nom de «Cimèriè des saints Marc et Marcellien et Damase» // Rivista di Archeologia Cristiana. 1981. 57. P. 209–251.*

Книга состоит из введения, 14 глав и заключения. В первых двух главах рассматриваются предшествующие исследования и письменные источники. Третья глава посвящена наземным частям катакомбы, в последующих главах (IV–X) катакомба подробно описана по «районам». В главе XI автор анализирует памятники эпиграфики в соответствии со структурой катакомбы. Глава XII посвящена архитектуре и живописи, XIII – саркофагам, XIV – типологии могил.

Катакомбу Марка, Маркеллиана и Дамаса «Колумб римских катакомб» аббат Антонио Бозио открыл в самом конце XVI в., он трижды оставил в ней свое имя. Большие работы провел здесь де Росси. И. Вильперт приписал это подземное кладбище папам Марку и Дамасу и «греческим мученикам», как именуют источники братьев Марка и Маркеллиана. Сан-Рок подробно рассматривает исторические документы начиная с IV в. (Жития святых, «Итинерарии», *Liber Pontificalis* и др.), однако здесь остается много неясностей. Как это часто бывает в топографических штудиях, будь то Рим или Константинополь, данные источников трудно отождествить с пространственными реалиями или, как отмечает автор, документы дают «топографические ключи», но без «археологической точки отсчета» они бесполезны. Одной из таких точек отсчета и является новая «цирковидная» базилика, которую, по многим данным, В. Фьокки-Николаи считает базиликой папы Марка¹⁵. Наверное, словоупотребление «цирковидные» (*circiformi*) базилики, требует некоторого пояснения. Действительно, широкая полуциркулярная апсида, переходящая в продольные стены, напоминает план цирка. Этот неологизм, недавно введенный в моду римскими археологами, уже получил свой французский эквивалент благодаря проф. Н. Дювалю («*cirquaforme*»). Многочисленные читатели известного труда Р. Краутхаймера [*R. Krautheimer. Early Christian and Byzantine Architecture. Harmondsworth, 1965* (1-е изд.)] знают этот тип римских кладбищенских сооружений под техническим термином «базилика с U-образной апсидой». Все эти базилики связаны с константиновской эпохой. В связи с катакомбой, изученной Сен-Роком, важность вновь открытой базилики в том, что если она принадлежит папе Марку (его понтификат приходится на 336 г.), тогда, основываясь на источниках, можно идентифицировать и катакомбу «Базилевса», и анонимную базилику, ранее открытую А. Нестори в этом же районе, на Виа Ардеатина. Именно эта последняя и будет принадлежать «греческим святым», Марку и Маркеллиану. В результате выясняется, что в этом районе исследователи имеют дело с огромным ансамблем, общего плана которого пока нет. В него входит кладбище св. Калликста, кладбище Базилевса, которое является предметом исследования Сен-Рока, и кладбища, связанные с двумя базиликами – цирковидной и на Виа Ардеатина.

В книге, среди известных надписей, рассматриваются и 20 неизданных памятников эпиграфики, найденных автором, особые главы посвящены живописи и скульптуре. Репертуар живописных композиций типичен для катакомб: Христос и двенадцать апостолов, сцены евангельских чудес, Епифания, из ветхозаветных – Жертвоприношение Авраама, Моисей, сцены из истории Ионы и др., а также Добрый пастырь. К числу уникальных для катакомб относится изображение оленей у источника. Находки смальты говорят о том, что катакомба была украшена и мозаикой, что редко. Два саркофага с обычным репертуаром христологических сюжетов находятся *in situ*, помимо них найдено много фрагментов. На одном из них – любопытное и редкое изображение горшечника со своей продукцией и его покупателя. Большинство их датируется IV в.

Новые исследования типов могил приводят к выводам, что катакомбы – слово не однозначное, им обозначают разные реальности. Сен-Рок образно пишет, что могилы в катакомбах различны едва ли не так же, как и могилы на кладбище Пер-Лашез в Париже и Кампо Верано в Риме. Индивидуальная особенность изучаемого кладбища – приподнятость галерей, где для продолжения захоронений надо было возводить леса, а не углублять галереи, как в других местах. В этой катакомбе похоронено первое поколение

¹⁵ Пользуюсь случаем выразить благодарность проф. В. Фьокки-Николаи, который любезно показал мне этот памятник в июне 1997 г. в процессе раскопок и разрешил фотографировать.

людей, которые жили в условиях «мира между церковью и империей». Здесь хорошо видна разница между богатыми и бедными, а в росписях образы Спасения уступают место прославлению Церкви.

У книг этой серии хороший полиграфический уровень, они издаются на мелованной бумаге и с хорошими иллюстрациями. В конце приложен план кладбища, где разные уровни выделены цветом – это удобно и наглядно. Автор книги, осознавая, что описание катакомб «мало читабельно» и не содержит «ничего волнующего», сделал все, чтобы чтение было интересным. Он избегает мелких технических подробностей, место которым в отчетах и архивах, и отказывается следовать современной манере перегружать изложение скрупулезной библиографией, которую оценит лишь горстка эрудитов.

В заключении автор высказывает принципиальные мысли, всегда актуальные в исследовании «священных кладбищ». Он подчеркивает, что научная ценность катакомб и их пастырская функция не должны приходиться в противоречие друг с другом. При этом научный подход первичен, «без этого все наши речи о катакомбах будут, может быть, очень благочестивыми, но они будут лживыми, потому что далеки от действительности» (с. 132).

* * *

Христианская археология – старая ветвь исторической науки, дисциплина, которая очень заботливо относится к своей истории, к вопросам теории и метода, к своим тонким и сложным взаимоотношениям со смежными дисциплинами. Этого нельзя сказать о ее младшей сестре – византийской археологии. Хотя термин «византийская археология» существует со времен Н.П. Кондакова, принято считать, что она отделилась от христианской археологии сравнительно недавно¹⁶, да к тому же вряд ли, по-моему, и отделилась полностью. Ни ее статус, ни теоретические основы пока не определены. В то же время раскопки византийских памятников ведутся давно, по крайней мере с первой половины XIX в., примером может служить хотя бы Херсонес Таврический. При больших масштабах полевых работ на территориях византийского культурного мира важно обобщение опыта византийской археологии, общий взгляд на ситуацию, на дальнейшие перспективы. Недавно Ж.-П. Содини обозначил четыре фактора, долгое время определявшие неустойчивое положение «протовизантийской археологии», как он называет период IV–VII вв. Конечно, эти наблюдения можно отнести и к византийской археологии в целом. Эти причины следующие: 1) неясность самого предмета, которых не может быть ни идентифицирован с историей искусства, ни сведен к предварительной материальной ступени исследования; 2) взаимоотношения с историками, которые никогда не отказывались от свидетельств византийских памятников, прежде всего архитектуры и монет, однако использовали их только как иллюстрацию или декор. В действительности же сам археолог – это историк, который должен интерпретировать собранные факты; 3) отношения с другими ветвями археологии; 4) условия работы на местах проведения раскопок: исследуемый период слишком близок к нам и часто становится предметом идеологических манипуляций¹⁷. Последнее подмечено очень точно: немало византийских памятников расположено в зонах этнических конфликтов, к тому же сами они часто служат предметом раздоров. Таким образом, дисциплинарный статус византийской археологии продолжает оставаться деликатным. Сама по себе она, конечно, существует, но существует ли она как самостоятельная отрасль научного знания?

Попыткой осмыслить ситуацию в сфере исследования византийских памятников археологическими методами является книга итальянского археолога Э. Дзанини, известного своими работами по изучению крепостей (Дара и Пальмира), а также византийской Италии¹⁸.

¹⁶ *Gregory T.E.* Archaeology // *The Oxford Dictionary of Byzantium* / Ed-in-Chief A.P. Kazhdan. N.Y.; Oxford, 1991. I. P. 153.

¹⁷ *Sodini J.-P.* La contribution de l'archéologie à la connaissance du monde byzantin (IV–VII siècles) // *DOP*. 1993. Vol. 47. P. 139–184.

¹⁸ *Zanini E.* La Italia Bizantina. Territorio, insediamenti ed economia nella provincia bizantina d'Italia (VI–VIII secolo). Bari, 1998 (Munera, 10).

Автор книги, хорошо понимая сложность стоящих перед ним задач, определяет их очень осторожно. Дзанини подчеркивает, что книга не является учебником ни в смысле систематичности, ни в смысле полноты. Цель ее скромна: попытаться очертить главные темы исследований «молодой отрасли постклассической археологии» – так автор деликатно и несколько расплывчато именуется византийскую археологию, которая только в последние десятилетия нашла свой «дисциплинарный статут» и «институциональное признание». Вторая цель книги – определить положение археологии среди родственных дисциплин: истории византийского искусства, археологии поздней античности и средних веков, христианской археологии, римской провинциальной археологии, а также показать основные достижения изучения византийского мира, рассеянные в многочисленных публикациях. Но Дзанини не отказывается и от намерения изложить хотя бы краткую историю дисциплины. Таким образом, при кажущейся скромности намерений, читатель с первых страниц книги видит, что автор обладает главным качеством для выполнения поставленных задач: храбростью.

Книга состоит из предисловия и 8 глав, которые подразделяются на параграфы, библиографии, географического и именного указателей. Все содержание состоит из трех неравных частей. В первой части (гл. 1–3) излагается история византийской археологии и ее методологические принципы, характеризуются источники и уточняются хронологические и территориальные рамки предмета. Во второй части, основной, освещаются главные проблемы византийской археологии, в ряду которых особо выделяется развитие городских центров и оборонительной системы империи (гл. 4–6). В третьей, небольшой, части (гл. 7) подводятся некоторые итоги изучения материальной культуры Византии. Глава 8 носит характер заключения.

Историю дисциплины Дзанини начинает с «археологического» интереса к памятникам византийской столицы со стороны крестоносцев, которые после 1204 г. многое вывезли в Европу, особенно в Венецию. Упоминаются также русские «паломники-археологи» и более поздняя (1544 г.) миссия французского натуралиста Пьера Жюля, который издал первую Топографию Константинополя. Далее перечисляются наиболее известные представители «исследовательской археологии» IX – начала XX в., вплоть до первой мировой войны.

В этом обзоре мы не встретим ни одного русского имени, правда, мимоходом упомянут «Византийский временник». Ни Русского археологического института в Константинополе, ни Императорского Российского Православного Палестинского общества, ни «археологических путешествий» Н.П. Кондакова, исследований Я.И. Смирнова, Д.В. Айналлова и многих других – ничего этого в книге нет. А между тем многие западные исследователи охотно пользуются английским переводом книги Д.В. Айналлова «Эллинистические основы византийского искусства», в редакторском предисловии к которому К. Манго дал краткую, но содержательную характеристику русской традиции в византийской археологии и истории искусства¹⁹. Это издание не упомянуто и в библиографии не приведено. Зато присутствует указание на книгу В. Клейнбауера, которая представляет собой аннотированную библиографию и историографию раннехристианской и византийской архитектуры, а в ней «вклад русских исследователей» выделен в особый раздел и к тому же написан с хорошим знанием вопроса²⁰.

В параграфе «Период между двумя войнами» Дзанини описывает первые раскопки византийских городов и прежде всего Константинополя. Рождение «научной археологии» византийского мира автор относит ко времени перед самой второй мировой войной, подчеркивая вклад немецкой и скандинавской археологических школ. Особое внимание

¹⁹ *Ainalov D.V. The Hellenistic Origins of Byzantine Art / Ed. by C. Mango. New Brunswick. N.J. 1961. P. VII–XV.*

²⁰ *Kleinbauer W.E. Early Christian and Byzantine Architecture. An Annotated Bibliography and Historiography. Boston, 1992. P. LXXXI–XCIX.*

к проблеме зарождения и развития византийского города автор считает характерной чертой современной византийской археологии. Только здесь автор упоминает исследования первого послевоенного десятилетия в странах Восточной Европы: СССР, Болгарии, Румынии, Югославии. Как пример трудностей становления византийской археологии в качестве самостоятельной дисциплины автор приводит работу международных византийских конгрессов.

Становление дисциплины Дзанини связывает с последним двадцатилетием, когда раскопки велись в широких масштабах и одновременно совершенствовалась методология. Византийская археология воспринимает теоретические достижения так называемой «новой археологии», предполагающей стремление реконструировать облик и все исторические этапы трансформации исследуемого объекта и его окружения. На мой взгляд, этот краткий обзор развития византийской археологии показывает, что она во многом шла по тому же пути, что и христианская археология: от историко-филологических штудий к регулярным стратиграфическим раскопкам с пристальным вниманием ко всем явлениям «материальной культуры» или археологии повседневной жизни людей. Аналогичным образом и христианская археология перенесла главный центр своего интереса из загородных кладбищенских зон в сам город, в проблематику его исторических трансформаций. Одни и те же проблемы беспокоят археологов разных специализаций, тревожное заявление А. Гийу на XVI конгрессе византинистов часто вспоминают: «Стратиграфическая археология почти игнорируется византинистами», а многие памятники «уничтожаются механическими лопатами»²¹. О необходимости совершенствовать методы полевых исследований постоянно говорят и представители христианской археологии. Таким образом, глава 1 дает достаточное представление об истории византийской археологии в Западной Европе. Что же касается стран Восточной Европы, они едва ли не полностью отсутствуют в этой картине.

Глава 2 «Источники» кратко перечисляет основные группы письменных источников. Особое место здесь занимают те исторические сочинения, которые послужили основой для развития «филологической археологии», в частности «О постройках» Прокопия Кесарийского и «О церемониях византийского двора» Константина Багрянородного. Среди географических источников раннего периода ценны *Tabula Peutingeriana* и карта Палестины, изобращенная на мозаической вымостке в одной из церквей Мадабы. В этой главе речь идет также о важных церковных источниках и их основных изданиях.

Глава 3 «Территория империи» тоже является кратким обзором. Рассмотрены Сирия, Малая Азия, Балканы, Италия, Средиземноморье и отдельно – коммуникации на территории империи. Более подробно освещен ранневизантийский период, а средневизантийский и палеологовский представлены очень суммарно.

Эти вводные главы занимают около трети объема. С главы 4 начинается собственно изложение предмета. В центре внимания автора находится византийский город и прежде всего Константинополь. Автор строит изложение в хронологическом порядке, топографический подход сочетается с архитектурно-археологическим.

Глава 5 содержит краткие сведения о крупных городах: Александрии, Антиохии, Иерусалиме, Равенне, Никее, Фессалониках, Резафе и др. Дзанини освещает хорошо знакомую отечественной историографии проблему преемственности или дисконтинуитета между античным и средневековым городом. На нескольких примерах из разных регионов Византии показан кризис VII в. и последующее «средневизантийское возобновление» городской жизни. Тема главы 6 – оборона империи, здесь речь идет преимущественно об юстиниановской эпохе: дунайский лимес, восточный, африканский и оборона византийской Италии. В небольших параграфах рассмотрены изменения в оборонительной системе в последующие исторические периоды.

Содержание главы 7 – вопросы материальной культуры и ее связи с прикладным искусством. Дзанини избрал два вопроса: керамику и строительную технику. Такой выбор кажется оправданным – именно с этим материалом полевой археолог и работает боль-

²¹ *Guillou A. Technologie // XVI. Internationaler Byzantinistenkongress. Wien, 4–9 October 1981. Akten I/1 (JÖB. Bd. 31/1). Wien, 1982. P. 19.*

ше всего. В своей «керамологической панораме» автор отдает предпочтение двум группам наиболее распространенных вещей: ранневизантийской амфорной таре и поливной керамике средневизантийского времени. В параграфе о строительной технике Дзанини приводит данные о разных типах кладки, клеймах на кирпичах, затронут вопрос, спорный в смысле хронологии и истоков, о декоративной кирпично-каменной технике кладки, в том числе типа *cloisonnée* в средне- и поздневизантийское время.

Завершает книгу небольшая глава о «проблемах и перспективах» ближайшего десятилетия, которая служит заключением. Самыми актуальными проблемами Дзанини считает неоднородную изученность различных регионов и периодов, склонность археологов отдавать предпочтение мертвым городам ранневизантийского периода. И в самой столице ранний период известен лучше, чем последующие, при этом большее внимание традиционно уделяется церковным и дворцовым зданиям. Археология погребального обряда византийского мира находится в зачаточном состоянии, особенно исследование органических остатков. Мало изучена сельская жизнь, за исключением Сирии, лишь недавно стали исследовать производство, торговлю и потребление, в частности добычу, обработку и экспорт мрамора. То же можно сказать о металлургии и монетном обращении. В целом филология продолжает преобладать среди византиноведческих дисциплин. Ближайшей задачей является совершенствование полевых работ, археолог не может оставаться равнодушен и к вопросам реставрации, и музеефикации памятников. В перспективе основное значение получит не выявление и накопление археологических фактов, а извлечение из них исторических выводов, значимых для освещения «фундаментальных вопросов развития византийского мира». Ту же мысль, как я отметила выше, высказывал и Ж.-П. Содини, наверное, с этим согласится все.

Книга сопровождается библиографией, которая включает не только археологическую литературу, но и труды общего характера – С. Манго, Ж. Дагрона, Г.-Г. Бека, А.П. Каждана и др. Относительно собственно археологических изданий могут возникнуть некоторые вопросы. В соответствии с содержанием книги русской литературы не существует вовсе, в том числе и изданной на европейских языках (в последние годы ее немало, например, по понтийским регионам). Не упомянут даже широко известный Каталог обзор византийских коллекций в собраниях СССР, который А.В. Банк издавала неоднократно, в том числе и на западных языках. Не всегда понятен отбор и других книг, например, из всех трудов Р. Краутхаймера для византинистов важнее всего его «*Early Christian and Byzantine Architecture*» (4 издания начиная с 1965 г. и итальянский перевод). Но он не упомянут, вместо него видим книгу о Риме, очень интересную, но с византийской темой не связанную. Другой пример: указаны статьи Ж. Лассюса о раскопках в Антиохии и Тимгаде, но главный его труд «*Sanctuaires chrétiens de la Syrie*» (Paris, 1947) отсутствует. Из книг П. Лемерля приводятся «Чудеса св. Димитрия», но главная археологическая работа, образцовая публикация двух больших базилик в Филиппах, не указана (*Lemerle P. Philippes et la Macédoine Orientale à l'époque chrétienne et byzantine. 2 V. Paris, 1945*). Число примеров, когда известные авторы представлены какими-то второстепенными статьями, а не основными своими монографиями, можно умножить (I. Varneа, T. Ulbert и др.). Автор специально рассматривает вопрос о строительной технике, а в библиографии нет классического и все еще единственного труда О. Шаузи (*Choisy A. L'art de bâtir chez les byzantins. Paris, 1883*). Некоторые пробелы в библиографии связаны с лакунами в самом изложении. Например, среди византийских городов не названа Гераса (Джераш), раскопки которой в свое время составили целую эпоху в византийской археологии (одних только церквей 17 и еще могильник). Автор ничего не говорит о такой развитой области, как археология Каппадокии, соответственно в библиографии нет имен ни Г. Жерфаньона, ни Н. и Ж.-М. Тьерри.

В целом же книга Дзанини – тот случай, когда читатель должен быть снисходительным. Этот «первый блин» вполне можно считать удачным, ведь нельзя же серьезно желать, чтобы один автор в рамках сравнительно небольшой книги охватил бы абсолютно все сюжеты византийской археологии. Для специалиста эта книга, наверное, покажется немного облегченной, но студентам она будет полезна, хотя и с некоторыми оговорками. К числу удач автора можно отнести внимательный, продуманный подбор иллюстраций. В книге много планов городов, наряду с всеобщезвестными видами (церковь

св. Иоанна Богослова в Эфесе, карта Мадабы, фасад Текфур-Серая и др.), мы видим и редкие архивные фотографии памятников Дары, Пальмиры, Мартирополиса.

Создание настоящего компендиума по византийской археологии – дело будущего. В этой связи интересен и первый отечественный опыт. Я имею в виду небольшую книгу: *А.И. Романчук, В.С. Шандровская. Введение в византийскую археологию и сфрагистику.* Екатеринбург, 1995. Здесь вопросы византийской археологии рассмотрены в основном на примере Херсонеса.

В заключении Дзанини приводит слова С. Манго, который видит задачи византийской археологии ясно и широко: лишь после систематического исследования города и деревни, крепостей и торговых пунктов, гидросооружений и дорог, производственных центров различных провинций империи мы сможем говорить с некоторой уверенностью об уровне византийской цивилизации. После этого пассажа читатель понимает, что перед византийской археологией – юной и еще робкой особой, которой едва минуло 20 лет, – расстилается долгий и тернистый путь, полный неустанного труда, а плоды его будут отданы историкам.

Michele Picirillo, Eugenio Alliata. Umm al-Rasas – Mayfa'ah, I. Gli scavi del complesso di Santo Stefano. Jerusalem, 1994. (Studium Biblicum Franciscanum. Collectio Maior, 28). 376 p. Рис. в тексте. Цвет. табл. 35. 3 плана в тексте, план-вкладыш.

Одним из важных и быстро развивающихся разделов византийской археологии является исследование Палестины, и именно территории современной Иордании. Для исследования этого региона, известного большим количеством церквей и мозаик, много сделали археологи-францисканцы. Том, посвященный раскопкам в Умм аль-Разас, – 28-й в большой серии Библейских францисканских штудий. Особый интерес раскопкам комплекса св. Стефана, помимо великолепных мозаик, придает еще одно важное обстоятельство: современное название «мертвого города» Умм аль-Разас достоверно идентифицировано с библейским Mefa'at. Более того, на самой мозаике церкви есть изображение этого города с греческой надписью ΚΑΣΤΡΟΝ ΜΕΦΑΑ, из которой ясно, как город (или, точнее, крепость) назывался в ранневизантийскую эпоху. На обложке книги два имени – руководителя раскопок о. М. Пичирилло и известного специалиста по материальной культуре позднеантичной Палестины о. Э. Аллиата. Однако том, в сущности, является коллективной работой. Несколько статей принадлежит таким авторам, как Н. Дюваль, А. Никаччи, С. Гриффит, А. Мишель, Б. Хамарнех, Ф. Бенедетуччи, М. Макдональд, Э. Пуэх, Х. Джитлер. М. Пичирилло написал важные главы об исторической идентификации Умм аль-Разаса, о раскопках комплекса св. Стефана, его архитектуре, мозаичной вымостке и надписях. В этом городе за несколько археологических сезонов (1986–1993) был раскопан обширный комплекс, в состав которого входит его главная церковь протодиакона и первомученика св. Стефана, помимо нее, церковь епископа Сергия, церковь Эдикулы и церковь «во двореке» (самая поздняя в комплексе). Все они являются базиликальными постройками. Три из них, кроме церкви Эдикулы, были украшены мозаиками. В юго-западном углу церкви св. Сергия размещался баптистерий с крестовидной купелью. Две больших гробницы находились в церкви «во двореке». Эти раскопки дали разнообразные сведения о литургических устройствах. Местоположение и формы престолов, амвонов, реликварии, литургическое назначение дополнительных помещений – эти вопросы рассмотрел А. Мишель. Особенно богато украшены мозаиками церкви св. Стефана и епископа Сергия, в последнем случае благодаря надписи устанавливается и точная дата выполнения мозаики – 587 г. В мозаиках интересно сочетание христианских символических композиций, например, симметрично расположенных ланей, гранатовых деревьев и др., с одной стороны, и образов, заимствованных из античного репертуара, с другой. Таковы изображения сезонов, нильские сцены. В исламское время мозаики с изображениями человеческих фигур были уничтожены и заменены растительными и орнаментальными мотивами. Интересна серия изображений городов, которые составляют бордюр центрального панно в церкви

св. Стефана. Они подробно рассмотрены в обстоятельной статье Н. Дюваля. Среди них – сам «кастрон Мефаа», затем Филадельфия, Мидаба, Эсбунта, Велемунта, Ареополис, Неаполис, Кесария, Севастис, Аскалон, Газа, Александрия и др. Особое внимание исследователей привлекло изображение Иерусалима, «Святого града», как его обозначает надпись. Он представлен с высоты птичьего полета и в обратной перспективе: башни, расположенные сзади, больших размеров, чем расположенные впереди. Ротонда Анастасис изображена в виде круглого сооружения с конической крышей, напоминающего ампулы Монцы. Н. Дюваль стремится ответить на трудный вопрос: что в этих изображениях городов идет от действительности, а что является элементами условного языка. Судя по стилю мозаик, по его мнению, в церкви св. Стефана работало две группы мастеров. Б. Хамарнех предложила свое толкование символики мозаичных изображений, в частности зооморфных. Большое количество ктиторских надписей дает материал для изучения этнического состава населения города. По заключению изучившего надписи М. Пичирилло, из 56 имен, упомянутых в надписях, только 16 – греко-римские, остальные – семитские. Археологические материалы – керамику, стекло, металлические изделия и пр. – изучил Э. Аллиата. Он классифицировал находки по эпохам – римской, византийской, арабской. Надо отметить, что ряд статей этого автора ранее был опубликован в нескольких номерах «Liber Annuus», где изложение более детально. В этой книге в центре внимания были вопросы истории места, архитектура, мозаики и эпиграфика.

Книгу завершают английское и арабское резюме, библиография и указатели (именной, топографической, греческих терминов).

Dalla terra alle gente. La diffusione del cristianesimo nei primi secoli / A cura di Angela Donati. Electa. Milano, 1996. 340 p. 262 рис. 11 цв. табл.

Эта книга является каталогом выставки, посвященной распространению христианства в первые века нашей эры. Она состоялась в Римини, во дворцах Аренго и Подеста с 31 марта по 1 сентября 1996 г. Выставка была организована Движением за дружбу между народами совместно с ЮНЕСКО, правительством Италии и различными научными учреждениями Ватикана. В состав научного комитета входили видные специалисты по истории культуры и искусства раннехристианской эпохи: К.П. Тьеде (Падерборн), М. Биддл (Оксфорд), Ф. Бисконти (Ватикан), Е. Кавальканти (Рим), Р. Фариола Кампанати (Болонья), М. Гуардуччи (Рим), Д. Мадзолени (Ватикан), Т. Поттер (Лондон) и др.

Выставка в Римини – событие исключительное: никогда прежде в одном месте не было собрано такое количество ценнейших и известнейших произведений искусства и письменности, от рукописей Кумрана до саркофагов Арля. Некоторые из них впервые покинули территорию своей страны, например, папирус из 7-й пещеры Кумрана. Среди участников – лучшие музеи Европы: музеи Ватикана, Римский национальный музей и Капитолийский музей, флорентийская Библиотека Лауренциана, археологические музеи Венеции, Милана, Архиепископский музей Равенны, Британский музей, Римско-Германский музей Кельна, Музей Берлина, Мадридский национальный археологический музей, Ашмолеанский музей Оксфорда, музеи Нарбонны и Арля, а также Еврейский музей Иерусалима и Управление израильских древностей.

Концепция выставки предполагала показать распространение христианства из Святой Земли, начиная с первых христианских общин Палестины до VI–VII вв. Собственно Каталог занимает примерно половину объема книги. Ему предпослана серия статей, авторы которых не рассказывают об экспонатах выставки, а показывают исторический контекст, в котором они существовали: Е. Кавальканти. Распространение христианства в первые века; И. Циац. Раннее христианство в Святой Земле; М. Сорди. Отношения между христианством и империей; П. Ливерани. Сложный религиозный контекст; Ф. Бисконти. Генезис и начало развития христианского искусства – места, формы, темы и Искусство катакомб; Д. Мадзолени. Христианская эпиграфика; Р. Фариоли Кампанати. Святые места Палестины Второй; К.П. Тьеде. Язык и текстуальная традиция раннего христианства и Могила Христа. Статьи снабжены картами и иллюстрациями.

Далее следует иллюстративная интродукция к КATALOGУ – несколько цветных таблиц классических памятников первых веков нашей эры: фрески из синагоги Дура-Европос, росписи катакомб, мозаика, представляющая Христа в образе Бога–Солнца из мавзолея Юлии под базиликой Сан-Пьетро в Ватикане, карта Мадабы и др.

В КATALOGе описано 256 предметов, число авторов аннотаций превышает 20. Структура КATALOGа соответствует 4 секциям выставки: Истоки, Палестина в эпоху Христа, Распространение христианства, Свидетельства о жизни христиан. Два самостоятельных раздела были посвящены памятникам письменной традиции и архитектуре церкви Гроба Господня в Иерусалиме. Экспонаты были представлены в оригиналах, исключая лишь 2–3 предмета, это обстоятельство и придало выставке характер единственности.

Назову некоторые экспонаты. Среди памятников I в. – два оссуария из Иерусалима, на одном из них греческая и еврейская надписи с именем Александра, сына Симона, упомянутого в Евангелии (Мк. 15, 21). Другой оссуарий, с еврейской надписью, принадлежал одному из членов семьи первосвященника Каиафы (№ 2, 3). Мраморный рельеф с парным изображением апостолов Петра и Павла в профиль – ранний пример этой иконографии (№ 22). Знаменитая надпись Аверкия, епископа Иераполиса (177–200). Самая ранняя из датированных памятников христианской эпиграфики, «царица христианских надписей» (де Росси) была представлена в оригинале (№ 24–25). Из обширных коллекций музеев Ватикана и Арля для выставки были отобраны лучшие саркофаги с изображениями библейских и евангельских сцен. Среди прочих – редкий сюжет: лодка с развернутым парусом, которой правит апостол Павел (№ 105).

Монеты IV–V вв., найденные под алтарной частью базилики св. Петра в Ватикане, напоминают о раскопках, проведенных здесь в 1939–1949 гг. Споры вокруг результатов этих раскопок не прекратились до сих пор: была ли обнаружена могила апостола или только место, которое почиталось христианами как могила Петра. Еще один экспонат, отсылающий к этим раскопкам – алтарь антониновской эпохи, украшенный бюстом солярного божества с лучами, отходящими от головы. Он дает представление об источниках иконографии Христа в образе Бога Солнца из мавзолея Юлии, единственного христианского мавзолея, найденного под базиликой св. Петра (№ 48). К числу уникальных памятников относятся деревянный диптих III–IV вв. с изображениями Петра и Павла – древнейший пример иконографии двух апостолов. Возможно, первоначально это был реликварий (№ 54). Интересно было увидеть предметы, широко известные по литературе: пластину слоновой кости из Британского музея с 4-мя новозаветными сценами (№ 108), одна из них – Распятие, древнейший пример (420–430) этой композиции, наряду с деревянными вратами, тоже V в., церкви св. Сабины в Риме.

Мадридский археологический музей представил любопытный и редкий экспонат – кирпич с мотивом арки на колоннах, хризмой и латинской надписью (№ 67). Изображения Доброго Пастыря широко распространены в живописи и скульптуре, но на выставке можно было видеть редкую вещь с этим сюжетом – золотое кольцо с камеей из оникса III–IV вв. из кельнского Римско-Германского музея (№ 75). Среди высокохудожественных памятников торевтики – серебряный ларец Проекты 380 г. из Британского музея, где христианская надпись и монограмматический крест соседствуют с языческими сценами (№ 143). Экспозиция раннехристианского искусства не могла бы обойтись без vetri d'oro – здесь мы увидели несколько экземпляров из богатой коллекции Библиотеки Ватикана, на одном из них изображение апостолов Петра и Павла с интересной деталью: общим мученическим венцом (№ 115). Выставка дала редкую возможность увидеть документы эпохи гонений: libelli Декия – справки (на дощечках) от 14 июня 250 г., удостоверяющие, что граждане совершили обряд жертвоприношения, требуемый властями (№ 117–123). Повседневную жизнь христиан характеризуют разные предметы: письменные принадлежности, украшения, игрушки и пр., многие из них происходят из римских катакомб и из раскопок в Британии.

Сильнейшее впечатление на посетителей производила коллекция папирусов: фрагменты из 7-й пещеры Кумрана с самым древним текстом Евангелия от Марка, датированные серединой I в. (№ 236). Папирус из Оксириха с текстом Евангелия от Луки относится ко II в. (№ 240), того же времени фрагмент из Оксириха с текстом Евангелия от Иоанна (№ 241). Самый древний документ с текстом Деяний Апостолов относят к

концу II – началу III в. (№ 243), папирус 66–70 гг. из Оксфорда содержит самый древний из известных текстов Евангелия от Матфея (№ 245).

Коллекция предметов, посвященных Гробу Господню, была невелика, но состояла из вещей первостепенного значения. Это знаменитая модель из Нарбонны V (?) в., единственное пластическое изображение той эдикулы, которую Константин возвел на месте пещеры Воскресения в 325–326 гг. Это полуротонда, окруженная 4-мя колоннами снаружи, с портиком, который ведет в интерьер погребальной камеры, перекрытой сводом (№ 249). Та же эдикула изображена в сцене Жен-Мироносиц у Гроба Господня на деревянной крышке реликвария VI в. из Библиотеки Ватикана (№ 259) и на ампулах из собора в Монце (№ 253–254). Особое место принадлежит реликварию из Самагера ок. 440 г. (Археологический музей Венеции), на одной его стороне – единственное раннее изображение интерьера базилики св. Петра и «мемории» апостола, на другой – изображение римской церкви Санта Кроче ин Джерузалементе (№ 251). Таким образом, посетитель выставки имел уникальную возможность увидеть все эти памятники вместе и сопоставить их. Последний экспонат, раскрывающий эту тему, – деревянная модель XVI–XVII вв. церкви Гроба Господня из Британского музея (№ 256). Это характерное произведение искусства для паломников нового времени. Одной из древнейших моделей этого типа считается экземпляр, приобретенный в 1651 г. и привезенный в Россию.

Некоторые аннотации представляют собой исследовательские миниатюры. Книга завершается обширной и хорошо подобранной библиографией, которая относится к статьям, предваряющим Каталог, в ней отражены многие важные издания последних десятилетий по раннехристианскому искусству и археологии. Организация этой замечательной выставки – результат огромной и сложной подготовительной работы. Это несомненно оценили благодарные зрители. Прекрасно изданный Каталог важен всем, кто интересуется или занимается эпохой раннего христианства²².

Л.Г. Хрушкова

---

²² Я имела счастливую возможность осмотреть выставку в мае 1996 г. вместе с экскурсией профессоров и студентов Понтификального института христианской археологии.